

Е. А. Плешкевич

Новый подход к определению понятия “документ” в книговедческих дисциплинах

Анализируется система терминологии в книговедческих дисциплинах после их перехода на документную парадигму и замены понятия “книга” понятием “документ”. Предлагается для обозначения документа-книги использовать составной термин “диахронный документ”. Новый термин сочетает в себе как теоретический потенциал базового термина “документ”, так и отраслевую специфику. Рассматриваются характерные черты диахронного документа.

Переход ряда книговедческих и других дисциплин на документную парадигму привел к замене некоторых сложившихся понятий (вытекавших непосредственно из практической деятельности) общим теоретическим понятием “документ”.

Первые попытки отойти от традиционного термина “книга” и перейти к новому теоретическому понятию “документ” относятся к началу XX столетия и принадлежат бельгийскому исследователю Полю Отле. Под воздействием новых идей в России началось теоретическое изучение книги. Известный книговед и библиограф М. Н. Куфаев писал, что книга есть вместилище мысли и слова человека, взятых в их единстве и выраженных видимыми знаками, причем книгой можно считать иероглифы на сфинксах или камнях, папирусный свиток, шкуры и т. п., а теперь — фонографические валики и грампластинки [1, с. 42–43]. Это определение было близко определению документа, данному П. Отле, который под документом понимал все, что графическими знаками изображает какой-либо факт или идею.

Переход к новой терминологии в книговедческих дисциплинах наметился лишь во второй половине XX столетия. Неудовлетворенность разработанным в книговедении понятием “книга”, не соответствовавшим реальным объектам библиографического и библиотечного дела, послужила причиной того, отмечает Г. Н. Швецова-Водка, что в характеристиках объектов библиографии и библиотечного дела книга была заменена документом [2, с. 19]. В 1980-х гг. теоретик библиографии О. П. Коршунов предложил в интересах терминологической точности обозначать термином “документ” любой фиксированный источник знания в единстве его содержания и внутренней формы, а термином “книга” — понятие, включающее все аспекты формы и содержания произведения печати как единого материально-духовного комплекса [3, с. 33]. Таким образом, в определении документа основной упор был сделан на его теоретический, абстрактный характер как “фиксированного источника знаний”, охватывающего понятия “книга”, “произведение печати”, “литература”, “произведение”, “публикация” и т. п. Термин “книга” сохранил специфические для данного вида документов аспекты “форма и содержание произведения печати”, что позволяло использовать его в практической работе.

Однако не все книговеды приняли эту концепцию. В результате анализа соотношения понятий

“книга” и “документ” Г. Н. Швецова-Водка высказала предположение о неправомерности ограничения понятия “книга” по характеристикам материального носителя и знаковой формы передачи информации какими-либо признаками, которые делают это понятие уже, чем понятие “документ” [2, с. 36–37].

Идею терминологического переворота поддержал и развил теоретик библиотечного дела Ю. Н. Столяров, предложив в начале 1990-х гг. не только замену термина “книга” на “документ”, но и замену названия дисциплин — книговедения на документоведение [4, с. 31]. Сегодня “терминологическую ревизию” поддерживают представители так называемой новой концепции в документоведении — Н. Б. Зиновьева, С. Г. Кулешов и др. [5, 6]. Однако такая прямая интервенция привела к “терминологической дуэли”, ярко освещенной в работах Ю. Н. Столярова [7, 8].

Не остались в стороне и представители других направлений, имеющих дело с документами. Архивисты определяли книгу либо как документ, содержащий записи каких-либо данных в определенной системе и представляющий собой сброшюрованные вместе листы (с графлением или без него), либо как журнал [9, с. 27]. Документалисты рассматривали книгу как тиражированный документ относительно большого информационного объема, имеющий, как правило, форму кодекса [10, с. 287].

Краткий обзор дискуссии о книге и документе свидетельствует, во-первых, о необходимости перехода от понятий, сформировавшихся в практической сфере, к теоретическим понятиям, что вызвано, по нашему мнению, развитием теоретических знаний в области книговедческих дисциплин (и в этом плане термин “книга” действительно нуждается в замене). Во-вторых, о неопределенности лексического значения самого термина “документ”. Слишком широкое толкование документа ведет к утрате специфики, присущей дисциплинам, имеющим дело с конкретными объектами, сложившимися исторически. Для того чтобы очертить границы значения термина “документ” в этих дисциплинах, необходимо провести его искусственное теоретическое сужение — так называемую научную (или дисциплинарную) специализацию. Одним из способов дисциплинарной специализации может стать, на наш взгляд, использование сложных, составных терминов, в которых сохранялся бы теоретический характер термина и в то же время отмечалась бы специфика объекта исследования.

Этот прием уже использовался в архивоведении, где термин “архивные материалы” был заменен термином “документ”. Замена старых терминов, отмечает теоретик архивного дела В. Н. Автократов, подчеркивая особый характер таких материалов, более широкий, но менее конкретным термином “документы” отразила стремление к интеграции понятий информационных наук, но принесла и некоторые неудобства. Она стерла специфический признак архивного документа [11, с. 68]. Однако в настоящее время в архивоведении мы наблюдаем переход к активному использованию составного термина “архивный документ”. Термин “документ” гораздо шире термина “материалы” и отражает, в отличие от последнего, теоретический характер понятия, а прилагательное “архивный” сохраняет специфику этой группы документов.

Примерно по тому же пути идет сегодня терминологическое строительство в документоведении. В делопроизводственном стандарте документ определяется как информация, зафиксированная на материальном носителе с реквизитами, позволяющими его идентифицировать [12]. Основной недостаток данного определения, отмечают В. Ф. Янковая и М. В. Ларин, в обезличивании, лишении документа социальной составляющей [13, с. 80]. Мы полагаем, что не только само определение, но и термин “документ” не отражает в полной мере специфики, присущей оперативной группе документов. По нашим наблюдениям, сегодня к термину “документ” все чаще стало добавляться прилагательное “оперативный”, которое подчеркивает свойство информации, фиксируемой этой группой документов.

Что касается развития терминологии в книговедческих дисциплинах, то мы предлагаем решить эту комплексную проблему путем введения частного понятия, построенного на основе универсального понятия “документ” и термина, указывающего специфику области его использования. В качестве нового термина мы предлагаем термин *диахронный документ*. Слово “диахронный” происходит от греческих *δίαι* — через и *χρόνος* — время, т. е. означает “не зависящий от времени”. Термин “диахронный” отражает свойства информации, содержащейся в книге. Первооснова всего, что связано с книгой, заключена в самом процессе функционирования, производства и потребления знаний в человеческом обществе. Книга, отмечал О. П. Коршунов, сначала рукописная, а затем и печатная, стала основным и всеобщим средством фиксации человеческого опыта и знаний, обеспечивающим их хранение, распространение и преемственность в развитии [3, с. 198]. В этом высказывании подчеркивается, во-первых, наличие в книге информации-знания и, во-вторых, её коммуникативная предназначенность. Мы полагаем, что именно эти свойства должны составлять ядро определения понятия книги-документа.

Исходя из прагматического свойства информации, мы выделяем информацию, а соответственно, и категорию документов, ценность которых значительно снижается со временем, и категорию документов, ценность которых не связана жестко со временем. К первой группе мы относим документы, созданные для непосредственного оперативного обеспечения процессов социального управления, и они, соответственно, называются *оперативными*. Основу этой группы составляет управленческая документация. Прежде для ее обозначения применял-

ся термин “административная документация”, однако он подчеркивает отраслевую направленность документов, а не специфику информации. Тиражирование оперативных документов определяется общими потребностями в данной информации. Если потребность в ней ограничена, то тираж оперативных документов может составлять несколько экземпляров, т. е. его избыточность будет минимальна. Примером этого служат административные документы. Если потребность возрастает, то тиражирование осуществляется посредством публикации, а тираж определяется исходя из потенциальной потребности. Обычно данный механизм используется при тиражировании оперативных нормативно-правовых и научно-технических документов.

Термин “диахронный” призван подчеркнуть, что ценность информации, содержащейся в документах, не зависит напрямую от времени. Это обусловлено тем, что данная информация прошла аналитико-синтетическую обработку, трансформировалась в *информацию-знание*. Под информацией-знанием мы понимаем информацию высшего уровня и придерживаемся позиции, предложенной Ю. Н. Столяровым, который под знанием предлагает понимать переработанную, упорядоченную, приращенную и сохраненную информацию [14, с. 65]. Безусловно, между оперативным и диахронным документом не во всех случаях можно провести четкую границу. К комплексному виду относятся, например, газеты, содержащие как информацию-знание, так и оперативную.

Термин “диахронный документ” вовсе не означает, что какая-то конкретная книга, хранящаяся, например, в библиотеке, имеет постоянную ценность. Ценность — комплексное понятие, основанное на способности объекта удовлетворять наши потребности, которые в свою очередь безграничны. Базовой функцией, определяющей ценность диахронного документа, выступает коммуникативная функция, выраженная в хранении и распространении информации. До тех пор, пока документ выполняет свою базовую функцию, он сохраняет свою ценность. При определении ценности конкретной книги могут учитываться и другие факторы. К ним относится, во-первых, старение издания. Оно отражает динамику развития читательской аудитории, развитие способов передачи сообщения для нее, показывает, учитываются ли в изданиях те изменения, которые происходят в аудитории. Во-вторых, “перелив” информации из одних изданий в другие в ходе дальнейшей аналитико-синтетической переработки информации или создания новой информации-знания.

Механизмом распространения книг является их тиражирование. Тираж, т. е. количество идентичных диахронных документов, определяется исходя из текущей потребности, которая имеет тенденцию к снижению. В силу этого часть книг подлежит списанию и уничтожению, их место занимают другие диахронные документы. Таким образом, можно говорить о “старении” объема тиража в силу снижения потребности в количестве конкретных изданий, о физическом “старении” конкретного издания, о “старении” способа передачи информации и т. д., а не о снижении ценности самого диахронного документа. В любом случае он остается представленным в диахронной информационно-документа-

ционной системе¹. В отличие от него оперативный документ рано или поздно прекращает существование и покидает оперативную информационно-документационную систему: либо трансформируется в ретроспективный документ, либо уничтожается.

Исходя из вышесказанного, под **диахронным документом мы предлагаем понимать документ, содержащий информацию высшего порядка (информацию-знание), обладающую постоянной ценностью, зафиксированную на материальном носителе (материализованную) и включенную с помощью системы метаинформации-реквизитов, имеющих форму выходных сведений, в диахронную информационно-документационную систему.**

Социальным механизмом реализации диахронных документов (их коммуникативной функции) выступают издательское дело, книжная торговля, библиотечная деятельность и т. п. Однако ведущую роль играют библиотеки — коммуникационные социальные институты хранения диахронных документов и распространения информации-знания. Социальным институтом использования оперативной информации выступает система делопроизводства и документационного обеспечения управления. После утраты своей оперативной ценности документы выступают хранителями потенциальной ретроспективной информации. Её хранение и возврат в информационное пространство происходит посредством института архивного хранения, который, по меткому выражению В. Н. Автократова, призван способствовать осуществлению связи общества во времени, связывать настоящее и будущее состояния общества с его прошлыми состояниями [16, с. 130].

Особенностью комплектования библиотек диахронными документами является их традиционная классификация на издания и рукописи. Преимущество отдается изданиям, рукописные документы поступают в отделы рукописей. Вместе с тем публикация как способ тиражирования используется и для распространения оперативных документов, потребность в которых значительна. Наиболее типичным примером служат правовые акты и в частности конституция. Являясь оперативным документом (её срок действия ограничен принятием следующей конституции), она в отличие от административной документации выполняет свои функции путем публикации и распространения через розничную продажу и систему библиотек. Выполнив свои оперативные функции, после принятия новой конституции она сохраняет свою потенциальную ценность как исторический источник, трансформируется в ретроспективный документ, но продолжает храниться в библиотеке. Технология последующего хранения обусловлена способом её распространения: в архив попадает лишь её рукописный вариант. Таким образом, сегодня библиотеки выступают местом хранения значительного числа оперативных опубликованных правовых и научно-технических документов, а также ретроспективных документов. Помимо этого часть ретроспективных документов, хранящихся в архиве, приобретает “вторую жизнь” после трансформации в диахронные документы благодаря археографической публикации.

Коммуникационно-ценностный подход к определению сущности диахронного документа позволяет заложить основы для последующей классификации. Выделяя в коммуникации автокоммуникацию², мы можем условно классифицировать диахронные документы на документы, где основная цель — прямая коммуникация, и документы, где целью является автокоммуникация. *Прямая коммуникация* предусматривает передачу информации-знания. Она реализуется в основном через научные, технические и учебные диахронные документы. *Автокоммуникация* направлена не только на передачу информации, но и на создание у её получателя определенного эмоционального состояния. В качестве примера наиболее “чистой” автокоммуникации можно привести фразу Л. В. Щербы “Глокая куздра штеко будланула бокра и курдючит бокренка”. Её цель — не передача информации, а вызов определенных ассоциаций. В значительной степени автокоммуникативная поэзия. Автокоммуникации реализуются посредством диахронных документов, известных нам как художественная литература. В отличие от диахронных документов прямой коммуникации её ценность помимо информационно-коммуникативной составляющей определяется также степенью воздействия на нашу психику. Здесь нет явления “перелива” информации, появления нового знания, что позволяет говорить только о физическом старении материального носителя и благодаря переизданию читать, например, Гомера, Шекспира и Толстого в оригинале. Автокоммуникация характерна и для развлекательной литературы.

Разделение документов на диахронные и оперативные позволит решить вопросы, возникающие при рассмотрении соотношений опубликованных и неопубликованных документов, изданий и рукописей, а также депонированных документов. На смену анализу технологий изготовления, хранения и распространения документов приходит понимание единства их информационной природы. На наш взгляд, этот подход будет эффективен при классификации документов на новейших носителях, где внешние признаки вообще стерты. Опираясь на предложенный подход, мы можем классифицировать видеопленку визуального наблюдения камер наружного слежения как оперативный документ, а видеопленку с игровым фильмом как диахронный документ. То же касается и других технотронных носителей информации.

Таким образом, составной термин “диахронный документ” — это попытка сочетать прикладную специфику книговедческих дисциплин с теоретическим подходом. Новый термин не только отражает информационные свойства некоторой группы документов, но и является системным, т. е. логически связан с другими составными определениями документов в оперативной и ретроспективной информационно-документационных системах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куфаев М. Н. Избранное: Труды по книговедению и библиографоведению. — М.: Книга, 1981. — С. 42–43.

¹Теоретическая модель информационно-документационной системы разработана автором [15].

²Соотношение коммуникации и автокоммуникации было рассмотрено Ю. М. Лотманом при анализе коммуникаций типа Я-ОН и Я-Я [17].

2. Швецова-Водка Г. Н. Книга и Документ: соотношение понятий // Книга: Исследования и материалы.— М., 1994.— Сб. 68.— С. 19–37.
3. Коршунов О. П. Библиография: теория, методология, методика.— М.: Книга, 1986.
4. Столяров Ю. Н. Назвался груздем — поляк в кузов, или комментарий к дискуссии об информатике // Научные и технические библиотеки.— 1991.— № 4.— С. 28–32.
5. Матяш И. Б., Кулешов С. Г. Архивное дело и документоведение Украины на современном этапе // Отечественные архивы.— 2002.— № 6.— С. 46–55.
6. Зиновьева Н. Б. Документоведение: Учеб.-метод. пособие.— М.: Профиздат, 2001.
7. Столяров Ю. Н. Закон документного оснащения социальных коммуникаций // Библиотекосведение.— 2002.— № 6.— С. 22–30.
8. Столяров Ю. Н. Стандартное определение документа нуждается в пересмотре // Документация в информационном обществе: унификация и стандартизация межведомственного и корпоративного документооборота: Докл. и сообщ. на 9-й Международной науч.-практ. конференции 5–6 декабря 2002 г. / Росархив, ВНИИДАД.— М., 2003.— С. 179–184.
9. Краткий словарь архивной терминологии.— М.: Л., 1968.
10. Воробьев Г. Г. Твоя информационная культура.— М., 1988.
11. Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения.— М.: РГГУ, 2001.
12. ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения.— М.: Изд-во стандартов, 1998.
13. Ларин М. В. Управление документацией в организации.— М.: Научная книга, 2002.
14. Столяров Ю. Н. Сущность информации / Междунар. акад. информатизации, отд. “Библиотекосведение”, ГПНТБ России.— М., 2000.
15. Плешкевич Е. А. О понятии “документ” в документоведении и других науках // НТИ. Сер. 1.— 2004.— № 4.— С. 10–15.
16. Автократов В. Н. Вопросы традиционного архивного поиска // Вопросы кибернетики.— 1979.— Вып. 27.— С. 127–145.
17. Лотман Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам.— Тарту, 1973.— Вып. 6.— С. 227–243.

Материал поступил в редакцию 24.11.04.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ!

СБОРНИК ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ “НТИ-2002”

Предлагаем Вашему вниманию Сборник трудов 6-й Международной конференции “НТИ-2002”: “Информационное общество. Интеллектуальная обработка информации. Информационная технология”. Сборник составлен на основе полных текстов и тезисов докладов участников Конференции.

Доклады опубликованы в соответствии с оригиналами, полученными Оргкомитетом Конференции, и не подвергались научному и литературному редактированию. Доклады опубликованы на русском или английском языке, заголовки докладов приведены на обоих языках.

Москва, ВНИТИ, 2002.— 473 с.

Ориентировочная цена: 70 руб.

По вопросам приобретения этих изданий обращаться по адресу:
125190, г. Москва, ул. Усиевича, д. 20, ВНИТИ, ОИРРИПУ; тел.: 152-64-41